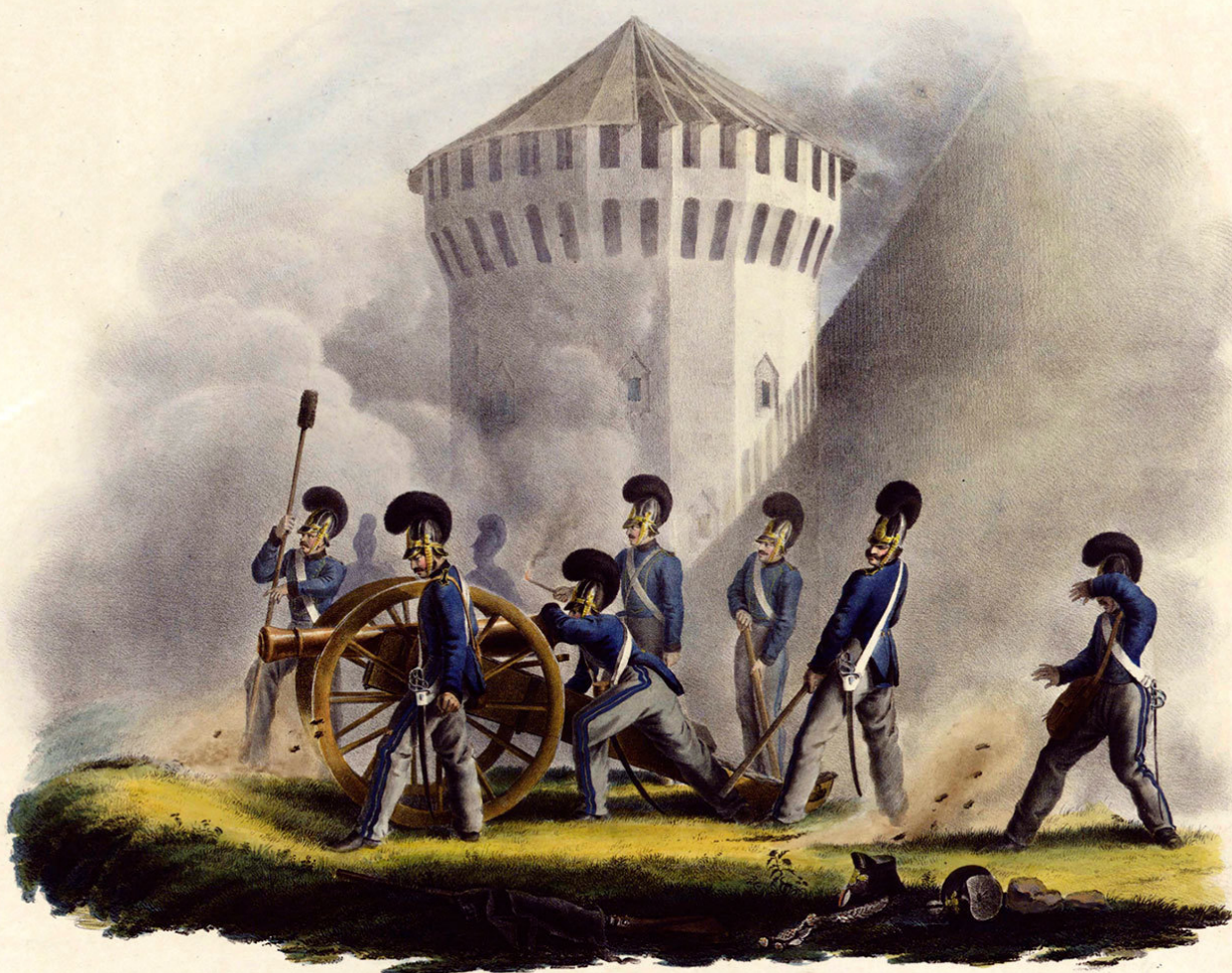

Якоб Вальтер

ПОД ЗНАМЕНАМИ
БОНАПАРТА
по Европе и России

*Дневник
вюртембергского
солдата*

Якоб Вальтер

**Под знаменами Бонапарта
по Европе и России. Дневник
вюртембергского солдата**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Вальтер Я.

Под знаменами Бонапарта по Европе и России. Дневник вюртембергского солдата / Я. Вальтер — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В шестисоттысячной армии Наполеона сражались солдаты более 20-ти национальностей – французы, поляки, голландцы, итальянцы ... и в том числе, конечно, жители немецких земель. Одним из них был солдат Якоб Вальтер (1788 – 1864) – простой строитель – каменщик из маленькой земли Вюртемберг, что на юго-западе Германии. Будучи призванным, как и многие его соотечественники, он прошел, сражаясь по всей Центральной Европе с 1806-го по 1809-й годы. Но главным событием его военной карьеры оказалось участие в Русской кампании 1812-го года. Ярко и очень эмоционально он описывает страшные события той войны – она заняла две трети объема его небольшой книги. И как у всех солдат, у него была одна задача – выжить.

Голод, холод, кровь, смерть, пожары, встречи с казаками и разбойниками – обо всем этом он, человек, в общем, не очень образованный, рассказывает увлеченно и подробно. Он практически не жалуется на трудности – он твердо верит, что вернется домой живым и невредимым. Но кроме описаний различного рода неприятностей, есть в его книге и своеобразный юмор, и личные размышления, и даже этнографические зарисовки. Краткость и сочность языка изложения Якоба Вальтера, несомненно, увлечет пытливого читателя, ему не удастся остановиться, не узнав, как и чем закончились его удивительные приключения во время победного шествия армии Наполеона по Европе и его жалкого отступления из России.

© Вальтер Я.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Якоб Вальтер
ПОД ЗНАМЕНАМИ БОНАПАРТА
ПО ЕВРОПЕ И РОССИИ

Перевод с английского В. Пахомова

ГЛАВА I

КАМПАНИЯ 1806 и 1807 гг.

В 1806 году я и многие мои друзья были призваны на военную службу по объявленной в то время мобилизации, и был определен в полк «Ромих», который впоследствии был переименован во «Франкемон» и получил номер 4.¹ Этот полк входил в состав гарнизона Людвигсбурга. Осенью, вместе с полком, я отправился в Прусскую кампанию, которую император Наполеон с другими государями, своими союзниками, начал против Пруссии. Осенью мы прошли через Эльванген, Нюрнберг, Ансбах, Байройт, Плауэн, саксонский Дрезден, а затем через Бунцлау в Гроссглогау,² в Силезию, где оставались в гарнизоне в течение примерно трех недель.

---

¹ По старой традиции Вюртемберга, полки, собираемые в Эльвангене, носили имена своих командиров. В мае 1811 года вышел приказ отменить этот обычай и назначать полкам порядковые номера. – Прим. перев.

² Глогув (Głogów), Польша. – Прим. перев.

**Якоб Вальтер
(в возрасте 50-ти лет)**

За период с января по март, с половиной моего полка я должен был сопровождать несколько колонн пленных пруссаков из Глогау назад через Кроссен,³ Франкфурт-на-Одере и Дрезден, где нам позволили отдохнуть. Мы повсюду жили на хороших квартирах, которые постоянно поддерживали мое здоровье и хорошее настроение, несмотря на продолжительный марш. Кроме того, мне было всего девятнадцать лет, и это часто побуждало меня участвовать в легкомысленных и опасных приключениях. Во время нашего возвращения в Глогау, наш конвой и баварский корпус были окружены пруссаками в Бунцлау. Мы заперли все ворота и занимались отловом вражеских лазутчиков.

Так случилось, что мой товарищ, живший со мной на одной квартире, захотел, чтобы наш хозяин спел песенку. Тем не менее, тот отказался это сделать, он всю ночь сидел на скамейке возле печки и плакал. И поскольку он был так грустен, что не мог петь, солдат Хуммель решил

---

³ Кросно-Оджаньске (Krosno Odrzańskie), Польша. – Прим. перев.

напугать его – взял винтовку, взвел курок и выстрелил. Пуля прошла между мной и другим солдатом, и застряла в стене. Я рассказал об этом, чтобы показать, как дико себя вели солдаты в то время.

Шпиона, которым оказался деревенский кузнец, доставили в караульное помещение. У него нашли письма и приказ передать пруссакам информацию о нашей силе и численности. Он был уложен на скамейке и избит двумя или тремя капралами. Двое держали его голову, а другие двое, ноги. С него сняли его кожаные штаны, смочили их в воде, а затем он получил около ста пятидесяти ударов. В конце концов, он уже не мог говорить, потому что он находился в полумертвом состоянии. При каждом ударе лейтенант говорил кузнецу: «Это баварский талер, это вюртембергский талер», и при этом хохотал как безумный. После порки его отвели на гумно и расстреляли. В тот день множество невинных горожан было избито прикладами.

После того как осаждавшие нас пруссаки испугались и ушли, мы смогли продолжить наш путь в Глогау.

После того, как я провел в Глогау один прекрасный день, меня в составе части моего полка отправили сопровождать 19 фургонов с деньгами Великой армии. Эти фургоны вели четверки и шестерки лошадей, и многие из них каждый день увязали в грязи. Этот марш проходил через Бреслау,⁴ а затем через польскую границу в Калиш, Позен,⁵ Гнезен,⁶ Иновроцлав и Торн⁷ на реке Висла, где этот обоз был сдан. Оттуда мы должны были вернуться в Гнезен – большой польский город. Там у нас находился склад, который нам надо было охранять и поддерживать яркий огонь. В этом доме жила жена польского солдата, у которой научился достаточно хорошо говорить по-польски. В течение двух недель нашего пребывания мы страдали от холода, наши ноги мерзли, а зима была холодная.

---

⁴ Вроцлав (Wrocław), Польша. – Прим. перев.

⁵ Познань (Poznań), Польша. – Прим. перев.

⁶ Гнезно (Gniezno), Польша. – Прим. перев.

⁷ Торунь (Toruń), Польша. – Прим. перев.

Солдат из вюртембергского полка "Ромиг"

В конце концов, восемь человек, в том числе и меня, комендант города отправил в отдаленные деревни. Я получил несколько письменных приказов о доставке продовольствия, но, тем не менее, хотя я и не знал дороги, я не был обеспечен проводником. Но поскольку я должен был выполнить свое задание, я, как и другие мои товарищи, отправился в еврейский квартал, где все говорили, но мало кто мог читать или писать по-немецки, и совсем немногие, как я выяснил, умели читать по-польски. Там я хотел взять первого же попавшегося еврея в качестве проводника, но он сбежал, и за другими также пришлось гоняться. Наконец, я погнался за одним из них до самого чердака его дома и, в конце концов, настиг его в окружении множества женщин и детей. Здесь он решил защищаться, и мне пришлось применить силу. Я взял его за пальто, протащил вниз на два лестничных пролета, и вынужден был держать и бить его почти два часа, угрожая ему расправой, если он должен не привести меня в нужную деревню. Здесь мне пришлось вброд перейти через озеро, и вода покрывала мои колени. Я скомандовал еврею

идти вперед, но боясь утонуть, он завыл так громко, что я рассмеялся и тотчас отправил его обратно. После того как мы пересекли озеро, он присел и вылил воду из своих сапог.

Помещик первой встреченной мною деревни отправил меня в дом старосты. Но, когда я вошел в комнату через соломенную дверь, я не мог уже стоять на ногах, и из-за сплошного дыма ничего не видел вокруг себя. Это заставило меня остановиться на ночь в помещичьем доме.

На следующий день я должен был посетить восемь деревень, но часто на деле удавалось лишь одну или две в день, потому что приходилось проходить расстояние в три-четыре мили.⁸ В одном поместье я не смог получить проводника, поскольку, увидев меня, все разбежались и попрятались. На меня набросилась огромная собака, и под влиянием обычного юношеского порыва я застрелил ее. Это было еще одной причиной, почему я не получил проводника. Я путешествовал один, по своему собственному желанию, в деревни других районов, где, как почти и везде, получал подарки, которые очень порадовали меня.

Поскольку, как я уже сказал, мне потребовалось восемь дней вместо четырех, чтобы обойти деревни, и поскольку наш обоз поспешно покинул Гнезен, я и трое других вернулся слишком поздно. Наш обоз уже ушел. И получив его направление маршрута из Гнезена в Нейссе,⁹ крепости в Силезии, нам пришлось одним пройти около ста штунде.¹⁰

Поскольку нас было четверо, мы решили не спешить догонять наш обоз, а постараться сделать наше путешествие наиболее комфортным. Мы посетили местных помещиков, которые обычно старались не давать нам своих собственных хороших лошадей, и пригрозили им, что нам нужно к завтрашнему дню догнать обоз, а если мы этого не сумеем, то они понесут за это наказание. Если нам нужны были лошади, мы пользовались этим методом так же, как и физической силой.

В этот раз мы взяли четырех лошадей, но, к сожалению, путь наш пролегал через большой правительственный город Позен. Там служащий сказал что-то горожанам, но мы ничего не поняли и продолжали путь. Нам захотелось выпить немного водки в последнем пригороде, и только тогда мы остановились. И почти сразу, восседая на белом коне, прибыл польский генерал местного гарнизона. Наша ситуация оказалась незавидной, и мы должны были быстро решить, что делать. Наш самый болезненно выглядевший товарищ лег на землю и начал непрерывно стонать. Вместо приветствия генерал стал угрожать, что напишет жалобу в наш штаб в Силезии о таком использовании его лошадей. Это могло произойти, если только больной вызывал сомнения у генерала. Защищая себя, мы заявили, что у нас тоже есть право пожаловаться в наш полк, что Его Превосходительство генерал помешал нашему движению, что привело к смерти больного. После этого нам дали повозку, запряженную двумя лошадьми, и мы смогли продолжить путь, смеясь и подшучивая над нашим здоровым «больным товарищем».

После Позена мы прибыли в маленький польский гарнизонный городок под названием Фрауштадт.¹¹ Я не могу не упомянуть этот город из-за его ветряных мельниц, коих насчитал ровно 99.

После Фрауштадта мы, совершив несколько переходов, пришли в Глогау, и в канун Пасхи квартировались там у какого-то еврея. Поскольку мы были уже знакомы с этим городом, мы хотели, чтобы у евреев осталось что-нибудь на память о нас. Провизию, как и обычно, по причине их жадности и корысти, мы взяли насильно и, поскольку у евреев всегда дома был фарфор, мы собрали всю фарфоровую посуду и ели из нее так шумно, что перед домом собралась толпа,

---

⁸ Вюртембергская миля – 7,448 м. – Прим. перев.

⁹ Ныса (Nysa), Польша. – Прим. перев.

¹⁰ Вюртембергский штунде – 3,7 км. – Прим. перев.

¹¹ Всхова (Wschowa), Польша. – Прим. перев.

желавшая знать, что происходит. В качестве оправдания могу сказать, что мы и не думали умышленно есть что-то некошерное, что бы евреи потом не смогли пожаловаться на нас.

Из Глогау мы отправились с несколькими «Черными Егерями» к крепости Швейдниц.¹² Найти повозку за пределами Глогау оказалось большой проблемой. Это был первый день Пасхи, и мы обыскили каждую конюшню в деревне под названием Хохкирх, и, ничего не найдя, решили заглянуть даже в дом пастора.

Но обыскав все здание, мы также ничего не нашли, кроме одной старухи, и нам пришлось идти к церкви. Там шла месса, и она была полна людей. Там на дворе стояла красивая карета без лакея, запряженная двумя лошадьми, которых мы отвязали и увели. Поскольку мы боялись встречи с людьми из церкви, я гнал карету, пока она не наткнулась на пень и не перевернулась вместе с нами в грязь. Потом мы вновь двинулись в путь и ехали до тех пор, пока не оказались в полумиле от Швейдница. Там была таверна в лесу, где мы задешево продали карету с лошадьми трактирщику, а затем отправились дальше.

Подойдя к крепости Нейссе, мы продолжили путь с нашим полком и полком Секендорфа через Бреслау, а затем в Польше через город Калиш, Позен, Гнезен, Иновроцлав, и Торн на Висле. Оттуда мы отправились через прусскую Померанию в сторону крепости Кольберг¹³ на Балтийском море. В миле от этой крепости был город Белгард,¹⁴ с замком, который был отведен нашему королю Фридриху, пока он располагался там лагерем как генерал от кавалерии.

На пути от Торна к Кольбергу я увидел озеро в лесу у монастыря. На этом озере было много лягушек, имевших очень красивый ярко-синий цвет, и ни один солдат не уходил до тех пор, пока не поймал бы одну из них. Мы приехали в маленький городок, большую часть населения которого составляли евреи. В тот же день нам пришлось пройти несколько миль, сквозь снега и болота, вода в которых доходила нам до колен, пока не получили постой на ночь. Я и еще четверо вошли в дом одного еврея. Комната была полна соломы и коз. Поскольку там не было ни печи, ни дров, мы отправились в другой дом, где нашли еврея и взяли его в заложники, ибо только таким грубым поведением мы могли заставить его жену принести нам еды.

На время пока мы осаждали Кольберг, нас отправили в лагерь, располагавшийся в болотистой местности. Там не было ни бревен, ни даже соломы, и наши казармы были построенные из земли и дерна, а вокруг них были вырыты канавы.

Поскольку из-за постоянной сырости тоже можно заболеть, я заболел, и мне пришлось ехать в госпиталь в Штеттин¹⁵ – крепость у моря. Когда я приехал туда с несколькими своими товарищами нашего полка, мы были помещены под самой крышей трехэтажной больницы. Каждый день возле меня умирало 12–15 человек, от чего меня сильно мучило, и, возможно, это стало бы причиной моей смерти, если бы я и еще четверо товарищей уже на второй день пребывания не сообщили, что чувствуем себя лучше и не сбежали бы оттуда. Если верить слухам, то в этом госпитале и еще трех других в этом округе, содержалось около 6 000 больных, и всем, у кого имелся хоть какой-то аппетит, приходилось страдать от голода. И это тоже стало причиной моего бегства оттуда. На третий день, нас пятерых человек отпустили, и мы без задержки отправились в наш полк.

В крепости Штеттин располагались вюртембергские солдаты, которые были одеты в униформу белого и красного цветов, то есть, такую же, как и у австрийцев. Эта крепость занимала такую позицию, что могла быть осаждена только со стороны Берлина. Здесь река Одер впадает в Балтийское море. Она, вместе с болотами, которые простираются на милю, окружает две

---

¹² Свидница (Świdnica), Польша. – Прим. перев.

¹³ Колобжег (Kolobrzeg), Польша. – Прим. перев.

¹⁴ Белоград (Białogard), Польша. – Прим. перев.

¹⁵ Щецин (Szczecin), Польша. – Прим. перев.

трети периметра города. Над болотами проложена плотина в милю длиной, простирающаяся к мосту возле деревни Дам.¹⁶ Это большой и красивый город, но, особенно, прекрасны большие торговые корабли в гавани.

Когда мы впятером без промедления прибыли к Кольбергу, мы имели честь в добром здравии продолжать осаду еще три недели. День святой Троицы особенно остался в моей памяти, потому что в тот день состоялся штурм крепости.

После полуночи мы покинули лагерь, все полки двинулись вперед через болото, и когда, наконец, на форпостах раздались первые выстрелы, нам было приказано атаковать вброд рвы и валы с фашинами, разбрасывая и переворачивая внешние укрепления. Когда я стоял во рву, то каждый передний солдат должен был вытащить следующего при помощи ружья. Валы были песчаные, и все чаще солдаты падали либо от огня противника, или просто из-за оползающего под ногами песка. Огромные пушечные ядра пролетали над нашими головами, гремя так яростно, что нам казалось, что земля рассыпалась под нами. Когда почти все были на вершине земляного вала, многие пруссаки были уже уничтожены, а оставшиеся в живых бежали к воротам.

Тогда мы тоже хотели завладеть воротами, чтобы войти в город, но в этот критический момент пруссаки выстрелили в нас из малых и больших пушек, и закрыли ворота.

Так как все виды снарядов и ракет подобно ливню вырвались из крепости, мы были вынуждены обратиться в бегство. Тем, кто вскарабкался на вал, пришлось прыгать из крепости в ров вместе со своими пленными, и все остальные должны были сделать то же самое. Во время этого отступления многие падали на штыки, многие утонули, и многие из нас были взяты в плен, позднее отведены в крепость и отправлены в Данциг¹⁷ морем.

Вернувшись в лагерь, мы видели, что многие потеряли шлемы, ружья, сабли, ранцы и пр. Многие осматривали себя, выискивая ранения из-за частых паданий и множества ушибов, у некоторых их не было, однако, большинство не знали о полученных повреждениях, пока не добрались до лагеря.

В этом лагере были поляки, вестфальцы, французы и, как уже говорил, лишь два вюртембергских полка. Однажды утром пруссаки на кораблях с моря внезапно напали на поляков, как это было уже раз на Пасху. Пушечный огонь был настолько сильным, что поляки не могли быстро ретироваться. Их пушечные ядра преодолевали более половины пути к нашему лагерю, в то время как наши ядра летели параллельно воде, и, поскольку окружающие болота замерзли, ядра могли катиться по льду так быстро, что одно часто могло сбить с ног человек 10–12 и часто ломало солдатам ноги. Во время этой осады пруссаки часто совершали вылазки, хотя каждый раз возвращались обратно с большими потерями.

К концу четвертой недели пришла команда от генерала Вандамма, вернее от принца Жерома, что оба вюртембергских полка должны форсированным маршем идти в Силезию на осаду Зильберберга.¹⁸

Перед уходом мы должны были получить дополнительных лошадей в небольшом городке Белгард, чтобы перевозить ранцы и пр. Это принесло мне несчастье, поскольку мой ранец, плащ, штык, и все деньги, которые я хранил в поясе своего плаща, были потеряны. Я был на своей квартире. И когда узнал об этом, решил взять лошадь и скакать в другие роты, чтобы отыскать свои потерянные вещи, но я должен был сделать военную реквизицию и вместе с хозяином найти его лошадь в лесу, поскольку я видел навоз в конюшне. Когда у меня появилась лошадь, она была без седла и уздечки, и мне пришлось сделать уздечку из куска веревки. Я проехал около трех миль по окрестным деревням, но ничего не нашел. В итоге я заблудился и

---

¹⁶ Теперь это часть города Щецина – Дамбье (Dąbie). – Прим. перев.

¹⁷ Гданьск (Gdańsk), Польша. – Прим. перев.

¹⁸ Сребна Гора (Srebrna Góra), Польша. – Прим. перев.

не знал, как спросить, куда мне надо было ехать, потому что из-за диалекта я не мог вспомнить название деревни, но я верил, что могу вспомнить дорогу. Наконец, когда совсем стемнело, у меня не было другого выбора, как позволить лошади самой идти, куда ей вздумается, что оказалось хорошим решением. Лошадь шла полночи через пустоши и леса, и, поскольку я не позволил ей пастись, она отправилась домой, в свою деревню, и мне пришлось смириться со своей потерей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.